

Бабушка из Нагасаки

...Что кажется, что так и мы умрем,
единственная разница лишь в том,
что человек над нами не склонится
и, не полив слезами, как дождем,
не удостоит праздным любопытством —
кто был из нас в кого из нас влюблен...

Борис Рыжий

Он любил свой день рождения. Любил всегда. Даже спустя много лет, отметив много дат, часть из которых уже истерлась из памяти, старался сделать этот день каким-то особенным. Последние годы немногочисленные приятели втолковывали Ему:

— Запомни, старичок: каждый следующий день рождения все больше напоминает репетицию поминок...

Он не обращал внимания на подобные подколки и беззлобно отругивался:

— Баян! Придумай что-нибудь поновей...

Когда у Него появилась эта нездоровая тяга к ежегодной регистрации очередных прожитых трехсот шестидесяти пяти дней? Из глубокого детства? С шести-семи летнего возраста, когда в этот день можно было вволю поесть очень вкусных сосисок с не менее вкусным консервированным горошком, приправленным к гарниру — традиционному, порядком надоевшему картофельному пюре? Из шумных бесшабашно-буйных застолий молодых лет? Из импровизированных праздников в институтских общагах? А может, в дачных домиках той поры с будочками выносных туалетов, припорошенными первым снегом?

Или привычка укоренилась уже в зрелости, когда в ежедневной битве за выживание каждый выходной день был чем-то особенным? Когда, «встраиваясь в рынок», они вдвоем с женой за четыре года перевели с английского семь огромных томов по экономике? Тогда даже Новый год достойно встретить времени не хватало, и только дни рождения отмечали «как следует»: с гостями и вином...

Как бы там ни было, однажды выработанный ритуал Он старался соблюдать.

Этот день рождения Он решил отметить необычно: в дорогом, а потому малолюдном ресторане, больше напоминавшем закрытый клуб. Вдвоем с супругой, никого больше.

Вечер уже подходил к финалу. Жена вяло ковыряла десертной ложечкой нечто, названное в меню «тирамису с ежевикой». Он поглядывал в сторону официанта — оставалось только рассчитаться и отбыть восвояси — как вдруг в кармане ожил телефон.

Он с неохотой потянулся и посмотрел на дисплей. Высветился незнакомый номер. Прижал телефон к уху и услышал женский голос. Голос, почти забытый за тридцать лет, глубокий и вкрадчивый, с мягчайшими, чуть шепелявыми шипящими расколочил память и обнажил ее древнюю сердцевину, как опытный дровосек раскалывает полено на крепком морозе.

— Это ты?..

Голос назвал Его уменьшительным именем, которое знали немногие, да и то нашедшие вечный покой еще в двадцатом веке. Этим именем Его называл дед, когда сумрачными вечерами читал Ему книжки в их маленькой квартирке на Выборгской стороне. Когда притворно сердился, неумело поддаваясь и проигрывая Ему очередную партию в городки, на дачке в садоводстве, где они вдвоем проводили все летнее время, пока Он был мальчишкой. Когда прощались с дедом за четыре часа до его кончины.

От неожиданности Он потерял дар речи и, подобно глухонемому, замычал в ответ что-то нечленораздельное. Рефлекторно выскочил из-за стола, с грохотом задвинул стул и негромко спросил:

— Ты откуда? Ты же вроде давным-давно в Америке?

Услышал ответ:

— Вообще-то я как жила, так и живу в Канаде, но сейчас здесь, в Санкт-Петербурге. Так удачно подгадала к твоему дню рождения!

Голос в телефоне был тихим, но отчетливым. Казалось, собеседница просто шепчет Ему на ухо.

— Неужели ты помнишь?

— Помню.

Он, испугавшись ненужной публичности, не обращая внимания на непонимающий взгляд жены, поспешил в курилку, подальше от посторонних ушей. Достал сигарету, огляделся вокруг.

Само собой просто вырвалось:

— Если бы ты знала, как я хочу тебя увидеть!

— Я тоже... — в интонации на другой стороне провода прозвучала какая-то тоска. — Я тебя, конечно, поздравляю...

— Да брось ты! Сейчас дело не в этом! Ты надолго в Питер?

— В следующую субботу улетаю...

Сегодня было воскресенье.

— Слушай, а если мы встретимся с тобой завтра? — Он запнулся, так как вспомнил, что понедельник у него забит с самого утра до десяти вечера. — То есть нет, может, во вторник?

— Во вторник я не могу. Жду агента: родительскую квартиру буду продавать. Как в России говорят? Балласт, мертвый груз, только хлопоты лишние...

— Ну, значит, в среду!

— В среду я свободна.

— Тогда вечером, часов в семь. Помнишь, мы с тобой смотрели «Кавказскую пленницу»? На месте этого кинотеатра теперь огромный центр, с кинозалами и ресторанами. Там можно спокойно поговорить и перекусить заодно. Только приходи обязательно! Буду ждать...

Повисла пауза, и Он неожиданно для себя жалобно добавил:

— Место приличное... Тебе понравится...

— Хорошо, я приду. Ты тогда в кино в тренировочных штанах явился, — Она хихикнула...

Он действительно пришел на ту давнюю встречу в трениках, так как дед, не будучи осведомлен о Его планах, замочил Его единственные штаны в тазу. Выбор нарядов оказался небогат: брюки от школьной формы и хлопчатобумажные штаны для физкультуры. Он все-таки выбрал треники. Спортсмен, вдруг заскочивший в киношку!

— А как ты мой номер узнала?

— Случайно посмотрела твоё интервью на «Трубе»...

— Было дело.

Он вспомнил, как два года назад, вскоре после выхода Его романа, какой-то микроскопический телеканал решил ознакомиться с творческой кухней «молодого, начинающего автора». Конечно, «молодым» Он тогда уже не был, да и к начинающим отнести Его было трудно: в разное время Его рассказы публиковались в периодике, и Он даже удостоился нескольких рецензий, выдержанных в сдержанно-оптимистичном тоне.

Собственно, это было не интервью, а познавательно-развлекательная беседа на канале о культуре про культуру и для культуры, уместившаяся в получасовой разговор. Ведущая глубоким сексуальным голосом задавала заранее согласованные вопросы. Он, перебирая пальцами ручку с логотипом телеканала, бодро удовлетворял хорошо разыгранное любопытство. На экране монитора высвечивалась бегущая строка с Его номером телефона, по которому любой желающий мог адресовать свой вопрос в прямом эфире. Дань моде, введенной Большими Братьями крохотного ТВ-карлика. Позвонил даже Его сын (это тоже было заранее отрепетировано), скрывшийся под никнеймом «Иван, системный администратор», якобы жаждавший узнать об источниках вдохновения автора. Тут Он позволил себе пошутить, заявив, что на созидательный лад Его настраивают Уэльбек, Алешковский и пары бензина в гараже.

— Значит, договорились! В среду в семь... Рад, что ты жива-здоровая, — бодро подытожил Он и вытер со лба вдруг проступившую испарину.

Наскоро, в три затяжки, выкурил сигарету. Запрыгавшее в груди сердце успокоилось. Засунул телефон во внутренний карман пиджака и поспешил обратно, придав лицу радостно-оживленное выражение...

Его жена давно привыкла ничему не удивляться, но в машине на обратном пути спросила:

— Кто тебя поздравлял? Ты вышел совсем никакой...

— С чего ты так решила?! — Он был так озадачен, что не смог скрыть волнение.

— Да я тебя знаю как облупленного. Ну, кто? Мне интересно.

— Представь себе, первая любовь! Проявилась ниоткуда. Исчезла в свое время в никуда, а сегодня... Ну прямо «Три мушкетера» двадцать лет спустя.

Он не боялся в частных разговорах с женой бросаться такими понятиями, как «любовь», тем более любовь сторонняя, давняя. Они так долго были вместе, что разрушить их союз мог бы только какой-то совершенно невероятный катаклизм, а не в сердцах брошенное слово или необдуманый поступок.

— И что думаешь делать?

— Встречусь в среду после работы. Человек через океан перелетел — неудобно отказываться... Тем более детство общее... Посидим, вспомним былое. Я ее родителей хорошо знал, она — деда. На даче одно лето вместе провели...

Она была старше Его на один класс. Оба были детьми поколения удивительного и неповторимого, поколения надежд середины пятидесятых. Времени, когда смех и улыбки — неперенные атрибуты черно-белых фильмов той эпохи — начали возвращаться и в обыденную жизнь.

В первый раз Он, расшалившийся первоклассник, увидел Ее на школьной перемене. Очень строгая, несмотря на свой маленький рост, девочка аккуратно схватила Его за рукав. Он хотел просто отмахнуться от надоеды, но увидел, что на рукаве Ее аккуратно школьного платяца с обязательным белым кружевным воротничком и передником прикреплена красная повязка с грозной надписью «Дежурный».

— Мальчик! — строго сказала Она тоном их учительницы Вероники Сергеевны. — Ты плохо себя ведешь!

Он хотел вырваться из цепких рук этой неизвестно откуда появившейся дежурной и просто-напросто убежать. Но вдруг увидел Ее глаза — огромные, синие-пресиние. И испугался.

Он был не по годам развитым ребенком. Дедушка научил Его читать очень рано. В одной из прочитанных книжек повествовалось о голубоглазом, очень злом мальчишке, который мог исполнить любое свое желание, но это так и не принесло ни ему, ни окружающим ничего хорошего. Он пожелал золотой дворец, в котором задыхался от тоски и одиночества, и глупого ручного робота, который в итоге его и предал. С этого момента Он стал считать синие глаза признаком вселенского зла.

Впрочем, у этой девочки глаза были удивительно добрые. Он заглянул в них еще раз — и пропал, всерьез и беззаветно.

По дороге в школу Он теперь думал, как встретить Ее на большой перемене и обставить эту встречу случайной. Возвращался домой и прикидывал возможные варианты прыгнуть на один класс вверх, чтобы попасть в Ее класс. Он учился так хорошо, что, по большому счету, в первом классе Ему делать было нечего. К сожалению, это было невозможно. Министерство народного образования было непреклонно.

Такие сладкие муки преследовали Его до пятого класса, когда Он «изменил» Ей с учительницей русского языка и литературы.

В пятом классе появились учителя-«предметники». Самой интересной была молодая «русичка». У нее были очень красивые колени, обтянутые капроновыми чулками телесного цвета, мелькавшие всякий раз,

когда она садилась за учительский стол. Эти коленки невозможно было не полюбить! Его первая учительница Вероника Сергеевна осенью, круглый год носила толстые шерстяные рейтузы.

Как-то раз Ему даже показалось, что предмет новой страсти отвечает Ему взаимностью. Это произошло, когда русичка слегка потрепала Его по шевелюре и сообщила классу, что Он — единственный ученик в классе, который в проверочном диктанте не написал лишнюю букву «в» в слове «участвовал», а потом развилась тирадой о малограмотности будущих строителей коммунизма и посоветовала всем брать с Него пример.

Но очень скоро Его постигло первое разочарование. Внезапно вернувшись в класс за забытым на парте учебником, Он увидел, что учительница, еще пятнадцать минут назад рассказывавшая им о правописании числительных, красит губы перед маленьким зеркальцем, а потом подходит к окну и машет кому-то на улице рукой. Она поторопила Его дежурно-равнодушным: «Проходи! Чего ты возишься!», заперла дверь класса на ключ и под громкий стук каблуков слетела вниз по лестнице к более счастливому сопернику. Этого Он перенести не мог и, раскаявшись в малодушии, вернулся к своей первой любви.

Как известно, худа без добра не бывает. Именно тогда эта девочка вдруг появилась у них дома. Оказалось, что Его дед и Ее отец работают вместе на одном предприятии и даже приятельствуют. Оба играют в шахматы, любят футбол, и у обоих за плечами весьма непростая жизнь.

Дальше были дни рождения, Новый год, детские утренники. Ситро, пирожные «эклер» (каждому — по две штуки), после застолий — игры в шарады или жмурки. В шарадах Он всегда норовил попасть с Ней в одну команду, а в жмурках, будучи «водой», ловил только Ее, находя по удивительно нежному, присущему только Ей, запаху, который невозможно было спутать ни с каким другим ароматом на свете...

Добрались до дома уже в полной темноте. Внутриквартальные проезды поселка были освещены плохо, да и дороги оставляли желать лучшего. Он поставил машину в гараж и вздохнул с облегчением. Длинный день, наконец, закончился, и можно было отдохнуть от отдыха. Жена после недолгого вечернего туалета быстро поднялась к себе наверх. В последнее время ее стали утомлять длинные выезды на какие-то городские мероприятия, светские или протокольные, и она при любом удобном случае манкировала ими.

Он заварил себе большую кружку чая и отправился в гостиную выкурить последнюю сигарету перед сном. Достал припрятанную пачку, и тут Ему в колени ткнулась морда Его любимого пса...

Пес скучал без хозяев. Несмотря на то, что он доставлял много проблем, все компенсировалось его невероятной любовью и преданностью, собачьей лаской, в которой невозможно было до конца разобраться: то ли верный оруженосец, то ли хитрый подлиза. Но при этом смятение чувств у хозяина сметливое живое существо замечало отлично, и в такие минуты становилось особенно трогательным. Сообразил: «Мне же еще с тобой гулять, горе луковое!» Потрепал пса между ушей и по холке, отложил сигарету и пошел в холл за ошейником и фонарем. Увидев знакомые предметы, пес радостно побежал к дверям, вытягивая шею и облекая хозяину процесс снаряжения его в уличную амуницию...

Фонарь выхватывал из черноты куски деревьев, кустов, заборов. Пес тщательно принимался к запахам, изучая только ему ведомую ностальгическую ленту, а Он мерно вышагивал за ним, и в такт шагам в памяти возникали новые образы...

Бесповоротно и безропотно влюбился Он после того, как окончил восьмой класс, а Она — девятый. Наверное, тому пришло время, и Он созрел для взрослого чувства.

Еще зимой, перед тем памятным летом, Он стал замечать, что одна из Его одноклассниц поразительно и весьма аппетитно длиннонога. Другая — Его соседка по парте на уроках английского — всегда предлагает Ему свой носовой платок, когда у Него разыгрывается обычный для питерского ребенка ринит и отчаянно текут сопля. Третья пошла дальше всех, предложив Ему сходить вместе в кино на «Рукопись, найденную в Сарагосе»...

Он начал посматривать на окружающих девчонок с новым интересом, но всех их сравнивал их с Ней, каждый раз убеждаясь в правильности своего первоначального выбора.

В то удивительное лето Она с нетерпением ждала запланированной поездки с родителями на море, но семейный отпуск не заладился. Ее отец много работал, ожидая повышения по службе, а мать, врач-педиатр, пропадала в детской клинике днями и ночами. Той весной в городе и, наверное, в стране (газеты об этом писали очень осторожно, а радио и ТВ вообще молчали и рассказывали в основном об ударниках производства и пленумах партии) бушевала эпидемия гриппа, получившего экзотическое название «гонконгский». Известнейший советский поэт того времени откликнулся на происходящее такими рифмованными строчками: «Орём Иерихоном: “Гонконг! Гоу хоум!”» Работа у врачей и в обычное время хлопотная, а тут совсем поглотила их.

Словом, Ее родители попросили Его деда взять их девочку под свою опеку на все лето. Они обещали по возможности приезжать на выходные и помогать материально. Дед согласился без промедления.

И вот в их маленьком доме появилась Она. Трудно было представить радость, охватившую Его! Он мог видеть Ее утром, днем и вечером! Теперь можно было просто вместе сидеть за обеденным столом, вместе выполнять для деда посильную работу: таскать воду из колодца, мыть посуду, ковыряться на участке. И, конечно, гулять, гулять и гулять! В Его понимании это было абсолютное счастье.

В ночь на среду лег спать пораньше. Поставил будильник на шесть утра. Никакого завтрака, только кофе. В столь ранний час можно спокойно добраться до офиса, минуя безумную утреннюю пробку на проспекте, ведущем к центру города.

Проснулся без будильника, побрился тщательней обычного и пошел к зеркалу. Внимательно оглядел себя и остался доволен своим внешним видом. Да, лучшие годы позади, но брюшка как не было, так и нет: подтянут, прям. Плечи широки. Бицепс, трицепс. Десять раз подтягивается передним хватом. Рост высокий, годы к земле не прибили. Усы подстрижены. Физиономия относительно гладкая; пара морщин общего вида не портит. Не Ален Делон, скорее постаревший Гойко Митич с темноватой индейской кожей, экранный кумир семидесятых, отчаянно сражавшийся с «бледнолицыми». Бросив последний взгляд на себя, промурлыкал: «Тронутые ласковым загаром, руки обнаженные твои...» — и отправился в путь.

На даче они укладывались спать следующим образом: Он — на старой кушетке на холодной крохотной веранде в восемь углов, с витринами цветных стекол, дед — в «большой» (пятнадцатиметровой) комнате с печкой, которую они называли «большой», а Она — в маленькой, с двусторчатым окном, выходящей в сад.

Дед ложился рано, вставал с восходом солнца. Спал крепко и не докучал ребятам без нужды по вечерам. А им невмоготу было засиживаться в доме. Кусты отцветающего жасмина чуть шевелились на легком ветру, терпкий сладкий аромат тревожил ноздри, а прохлада позднего вечера манила в сгущавшийся сумрак...

И они отправлялись гулять. Сначала вдоль рано замершей улицы садоводства, подсвеченной лунным светом, мимо небольших домиков, в которых отдыхали от ежедневной утомительной работы энтузиасты подсобных хозяйств. Потом краем лесной опушки выходили к речке, темная вода которой с мерным шумом переливалась через искусственно сделанную запруду. Устраивались рядышком на поваленных бревнах, не касаясь друг друга, и говорили до первых далеких зарниц.

Он больше слушал, говорила в основном Она. О книгах, которые Она прочитала, о своих одноклассниках, вызывавших в нем жгучую ревность, о своем будущем студентки, обязательно отличницы. И о том, кем, по Ее мнению, Он должен стать. «Тебе надо поступать в мореходное училище!» И железно аргументировала: «Учат хорошо. Будешь на всем готовом. Деду помощь...»

Иногда Она читала стихи, мурлыкала незнакомые Ему песенки. Он впервые услышал про китайчонка Ли и горбатого скрипача, познакомился с доселе неизвестным Ему понятием «любовник». Она открыла Ему другой книжный мир — мир Аксенова, Нагибина и Казакова, так непохожих на Его любимых Джека Лондона и Майн Рида...

Возвращаясь, они подходили к неплотно затворенному окну, и Он помогал Ей взобраться на сколоченную из двух обрезных досок скамейку и пролезть внутрь комнаты.

Они старались случайно не разбудить деда и сохранить свою тайну. Но все обходилось благополучно. Только дед не уставал удивляться, насколько крепко дети спят по утрам, с переменным успехом пытаюсь растолкать их к полудню...

Приехал в офис раньше всех, чем немало удивил зевавшего на посту охранника. До середины дня обычная деловая суматоха несколько отвлекла Его.

Около двух часов дня попросил помощницу заказать в любимом месте столик на двоих. Собственно говоря, это была излишняя предосторожность, но уж очень не хотелось Ему по причине внезапного многолюдья или грянувшего банкета на сто персон ударить в грязь лицом. Место, где Он назначил встречу, позиционировало себя как гранд-кафе. Действительно, рестораном это место назвать было нельзя, хотя здесь можно было не только посидеть за бокалом вина или капучино с корицей, но и подкрепиться.

В четыре Он вышел на улицу и в ближайшем цветочном купил букет из девяти лимонно-желтых роз. Белый цвет Ему не нравился, а красные розы, по общему заблуждению символизирующие страстную любовь, для первого свидания Он счел неуместными.

До встречи оставалось еще около трех часов.

Озеро располагалось в трех километрах от дачки. Укатанный грейдер вел к пионерскому лагерю, примостившемуся к его западному берегу. Там были построены деревянные купальни, так как дно озера было илистое, и охотников окунуться у берега в вязкую темную взвесь не находилось. Пионеры купались «по инструкции»: когда температу-

ра воды в озере превышала двадцать два градуса, то есть три-четыре раза за прохладное питерское лето. Так что местной ребятне в купальне было полное раздолье. В субботу и воскресенье к своим детям присоединялись и взрослые.

В то лето август выдалась необычайно жарким. Тащиться пешком полчаса в одну сторону по солнцепеку особого желания не возникало, поэтому подростки отправлялись на озеро исключительно на велосипедах.

В дачном хозяйстве деда велосипедов было целых два: обшарпанный складной подростковый, без крыльев и катафотов, и старый трофейный велик, представлявший собой огромную грудку металла, громыхавшую и грозившую рассыпаться на каждой кочке. Садиться на трофейный Она отказалась категорически, и тогда Он с замиранием сердца предложил прокатить ее на подростковом, на раме или багажнике. Она согласилась. Он оторопел настолько, что даже не успел обрадоваться. Весь день качал колеса, смазывал ржавую цепь, закреплял болтавшийся руль добавочной гайкой. Попрыгал на ободах, чтобы хоть как-то вывести их в одну плоскость.

Днем, отработав на участке, они поехали на озеро. Она попыталась пристроиться на багажнике, но, несмотря на Ее малый вес, багажник жалобно пискнул и просел на резину колеса, образовав мощный стояночный тормоз, не предусмотренный заводом-изготовителем. Он набрался смелости и, чуть разогнав велосипед, ловко подхватил Ее на раму.

Следующие две недели эти ежедневные шесть километров поездки трансформировались в самые счастливые минуты Его жизни.

Он замирал, когда на поворотах, стремясь удержать равновесие, прикасался к Ее талии и чуть выгнутой спине. Устремляясь под горку и набирая скорость, старался незаметно поймать губами пряди Ее спутанных волос, щекотавшие Ему щеки и шею. Ничего в жизни не было слаще этих прикосновений!

На берегу Она двумя движениями снимала легкую блузку и только вошедшие в моду штанишки до колен — «бермуды», оставаясь в раздельном ярко-синем купальнике. Он любовался Ею и втайне гордился, что такое чудо света находится рядом с ним, на расстоянии вытянутой руки. Не мог отвести глаз от Ее наготы, белой молочной кожи, которую загар не красил, а грозил спалить. Если Он за два-три дня загорал до краснокирпичного цвета, превращаясь в маленького индейца, то Она всегда предпочитала оставаться в тени.

Он любовался Ею и тогда, когда Она легко взбегала на край купальни, одним махом взбиралась на невысокие перила и ласточкой улетала в сторону открытой воды, и когда Она выходила из озера, покрытая ка-

плями воды, отжимая на ходу намокшую гриву волос и сооружая из нее подобие узла...

Он встал из-за стола, потянулся, подошел к кофе-машине. Загрузил самую крепкую «черную» таблетку. В два глотка, обжигаясь, вытянул дымящуюся жидкость из маленькой чашки. Посмотрел на часы. До семи было еще час с четвертью. Нервно зашагал по кабинету. Опрокинул один из «гостевых» стульев. На раздавшийся грохот в запертую дверь заскреблась помощница. Недовольно крикнул: «У меня все в порядке!», хотя в Его душе на самом деле порядка не было.

То ли от воспоминаний, то ли от горячего напитка лоб пробила испарина. Нашел в столе влажные салфетки, промокнул лицо. Снова взглянул на часы. Прошло еще пять минут. Не в силах бороться с собой, выскочил из кабинета, вновь напугав помощницу в приемной. Отрывисто бросил на ходу:

— Катя! Меня сегодня больше не будет! Вы свободны!

Спустился на парковку у бизнес-центра, где фирма арендовала часть помещений, сел в машину, завел мотор и включил музыку. Нашарил в бардачке пачку сигарет, которые прятал от жены, и закурил. Жадно затянулся несколько раз подряд. Дым, как предрассветный туман, растекся по салону...

В ряду их ночных прогулок была одна особенная, лучше всего запомнившаяся и вдобавок последняя в их тайных отлучках.

Было полнолуние. Желтоватый ночной прожектор мертвенным призрачным светом выхватывал черные силуэты домов и деревьев. Можно было смело гулять по дорожкам и тропинкам, не боясь ежеминутно оступиться.

Выбравшись из дома, они направились не к речке, а к странному сооружению на самом краю садоводческого поселка. Это была вышка с высотной платформой, собранная из мощных бревен, скрепленных метровыми скобами. На верхней площадке вышки, на высоте пятнадцати метров, стоял огромный металлический бак. В него закачивали насосом воду из реки, из запруды, около которой они любили сидеть. Бак опорожнялся по графику через хитрую систему труб, проложенных вдоль границ участков. В такие дни садоводы наперебой кричали, оповещая соседей: «Вода! Вода!» — и спешили к разборным кранам, подсоединяя шланги. Они наполняли впрок свои бочки, ведра и корытца, а когда тара заканчивалась, выливали остаток прямо на грядки и кусты. За орошение с каждого носа собирали чуть ли не по сто рублей «смотрящему за насосом». Дед с трудом образом изыскал эти средства,

так как без воды его клубника, смородина, яблочки и крыжовник были обречены на смерть.

— Полезли наверх! — внезапно предложила Она.

Он был смелым мальчишкой, но высоты остерегался. В отличие от прочих сорванцов, избегал крыш и высоких деревьев. Когда дед взял Его однажды с собой на нижнюю смотровую площадку Исаакиевского собора, Он, вместо того чтобы наслаждаться открывшимися видами, изо всех сил вцепился в поручни и с мольбой взирал на деда.

Но не мог же Он уронить себя в Ее глазах, показав слюнтяем и трусом! По скрипучей длинной лестнице они поднялись на первую промежуточную площадку, огороженную по краям хилыми рейками. До верха оставалось еще два лестничных пролета. Она бесстрашно полезла вперед. Он подумал, что эту прогулку Она продумала заранее: на Ней были черные бриджи, не стесняющие движений, и резиновые кеды с глубокой рифленой подошвой. Он вцепился руками в шаткие перекладины лестницы. Пересилив себя, поднял голову. Посмотрел на звездное небо, глубоко вздохнул и пополз за Ней, грудью и животом припадая к спасительной опоре.

Площадка наверху была сколочена из толстых-претолстых досок в три нахлеста, способных выдержать многотонный груз. При этом не было ни перил, ни перегородок. Кое-как взобравшись, Он моментально сел, почти лег на настил и на всякий случай ухватился за вентиль тубы. Усилием воли поборол страх, посмотрел на Нее. Она бесстрашно стояла у самого края платформы, задрав голову вверх. Обернулась к Нему и тихо проговорила, почти прошептала:

— Посмотри в небо! Посмотри на звезды! Выключи свой свет внутри и смотри на свет небесный!

Небо действительно было усеяно звездами — казалось, до них можно достать рукой. Она потянулась вверх, будто стремясь улететь, и страстно заговорила:

— Мы видим, что там было миллиард лет назад. Скорее всего, эти мерцающие точки уже не существуют, а мы их видим, любимеся ими. А нами не то, что через миллиард, лет через восемьдесят, никто любоваться не будет. Мы просто уйдем туда, где ничего нет. И я, и ты когда-нибудь умрем. Это может случиться через мгновение, — и Она, к Его ужасу, сделала шаг вперед. — А может, и через сто лет. Но это ничего не меняет. По нашим дорожкам будут ходить другие люди, как мы с тобой ходили по стертым следам ушедших, до которых нам не было дела. А космос — бессмертен. Страшен в своем неприступном величии и безобразно красив. Посмотри на звезды еще раз! Может, ты никогда больше таких не увидишь. А мы... что мы... — и Она бессильно опустила руки.

Он, неожиданно набравшись храбрости, встал рядом с Ней, но только для того, чтобы аккуратно взять Ее за плечи и усадить, чуть-чуть отодвинуть от края, от черты, разделяющей жизнь и смерть. Минут пять сидели в молчании. Потом Он через силу выдавил из себя всего одну фразу:

— Я хочу только одного... умереть раньше тебя, — и положил свою ладонь поверх Ее узкой руки...

Как они вернулись домой, Он уже не помнил. Добрался до оттоманки и рухнул, как сошенный пулеметной очередью, забывшись тяжелым сном...

А в середине следующего дня к ним приехал Ее отец, которому удалось достать для дочери дефицитную путевку в детский лагерь «Орленок» на Черном море. На сборы отец отвел Ей полчаса, даже такси не отпускал. На этом их летние приключения закончились...

К месту встречи Он подъехал за полчаса до назначенного времени. Свободных мест на маленькой парковке, естественно, не было. Он поставил машину вторым рядом, включил мигалку-аварийку и по пояс высунулся из окна, привлекая к себе внимание.

Ему подфартило: в эту смену обязанности уличного бегунка исполнял Его давний знакомый — молодой человек со сложным именем Ильдым, симпатизировавший Ему и всегда находивший удобное местечко для Его авто. Он отдал Ильдыму ключи, и тот мгновенно (Он не успел даже выкурить сигарету) ловко припарковал Его машину прямо напротив входных дверей, чуть наехав передними колесами на пешеходный переход. Отдавая ключи и получая свои законные сто рублей, снисходительно успокоил:

— Нэ дрэйфь! Если вакуаторы-макуаторы подъедут, я присмотрю! Отдыхай спокойно!

Зашел внутрь, назвал имя и номер телефона. Его проводили к заказанному столику. Для начала попросил принести только ристретто. Сказал официантке, что ужин будет заказывать вместе с...

И тут Он замялся... С кем? Кто Она Ему теперь? Подруга? Знакомая? Друг детства?

— Заказывать будем вместе, когда моя гостья придет, — отрапортовал довольно церемонно. — С кофе поторопитесь по возможности.

В крохотной чашечке принесли один глоток обжигающей черной горечи. Залпом выпив горькую смесь, он сидел и ждал, крепко сцепив пальцы рук. Каким он предстанет перед этой «заморской штучкой»? В том, что Она стала такой, Он практически не сомневался.

В пять минут восьмого он позвонил Ей. Металлический голос по-английски предложил оставить абоненту сообщение. Выждав десять

минут, Он вновь набрал Ее номер. У входа в кафе запел зуммер. Он вскочил из-за стола, чуть не опрокинув соседний стул, и ринулся на звук.

В дверях стояла сухонькая женщина небольшого роста в нелепой, не по погоде, беретке, напыленной на короткие волосы, и в сереньком драповом пальто. Дрожащей рукой женщина прижимала к уху телефон, повторяя как заклинание: «Але! Але! Але!»

Это была Она.

В иной обстановке Он не узнал бы Ее, прошел бы мимо, не оглянувшись. Ее некогда огромные синие глаза были скрыты толстыми стеклами очков. Голова ушла в сутулые плечи. Разношенные ботики на плоской, удобной для ходьбы подошве зрительно еще больше уменьшали Ее маленький рост.

Весь Ее вид выражал какую-то потерянность.

— Ты?!

— Я...

Он, слегка наклонившись, попытался обнять Ее и целомудренно прижаться щекой к щеке. Она чуть отпрянула и, щурясь, будто на ярком свете, своим ни на йоту не изменившимся волшебным голосом промолвила:

— Погоди, погоди... Дай-ка я тебя рассмотрю...

Чуть помедлила и добавила:

— Красавец-мужчина! Только кудри твои куда-то делись.

— Что поделать... Годы... — промямлил Он.

Конечно, не ожидал вот так, по мановению волшебной палочки, вернуться на три десятилетия назад и увидеть Ее прежнюю, неземную и сногшибательную, но Ее нынешний облик поверг Его в шок. И ладно бы только Его! На нелепую бабушку, телепортировавшуюся в современность из восьмидесятых, с недоумением поглядывали и посетители, и величаявая дива-метрлотель (на ресторанном сленге — «королева») с ногами умопомрачительной длины, в чьи функции входил эскорт особо почетных гостей к столикам.

Она растерянно озиралась по сторонам. Он взял инициативу на себя и, крепко подхватив Ее под локоть, проводил к столику. Беретку Она не сняла, лишь позволила Ему водрузить Ее пальто на вешалку в углу. Осталась в плотном глухом жакете с накладными карманами и мешковатой юбке той же ткани, напомнив Ему счетовода из сферы потребительской кооперации, знакомой по фильмам хрущевской эпохи.

Шок первых минут прошел быстро. Не дав им обменяться и парой слов, к столу моментально подпорхнула официантка. Несмотря на то, что Он часто бывал в этом заведении, девочка была Ему незнакома. Он оценил ее ладную фигурку — автоматически, по привычке, по-отечески даже...

«Гостья» заметила Его мимолетный интерес:

— Слушай, у нас бы тебя по судам затаскали!

Беседа началась несколько странно для людей, не видевшихся, по меньшей мере, четверть века.

— С Сережей, ну, с мужем моим, работал один мексиканец, — продолжала Она. — Так его выгнали, несмотря на пресловутую политкорректность по отношению к нацменьшинствам. По Сережиним словам, неплохой был специалист. Занимался математическим моделированием. Не помогло! Я толком деталей не знаю, но пожаловались в отдел кадров: «раздевал взглядом в лифте»! До суда, конечно, дело не дошло, но теплое место в университете он потерял.

Она хихикнула и продолжила уже почти кокетливо, слегка наклонившись в Его сторону:

— В нашей деревне с этим строго!

— В какой такой деревне? — удивился Он. — Вы же в Канаде?..

— В Канаде, в Канаде! — Она резко откинулась к спинке стула и вцепилась пальцами в край столика, будто боясь потерять равновесие. — В пригороде Монреаля. Слово «канада» на языке индейцев минго, ирокезском то есть, означает «деревня» или «поселение». Целую страну деревней назвали — думаешь, случайно? Она как была деревней, так деревней и осталась.

Официантка уже нетерпеливо била копытцем. Он взял меню и протянул Ей, но Она возразила:

— Другие очки забыла. Выбери что-нибудь на свой вкус. Только без мяса.

— Пить за встречу будешь? — спросил Он без энтузиазма.

— Нет, что ты! Если хочешь, пей, пожалуйста.

— Я за рулем.

Заказал «прованский рататуй из кабачков и баклажанов» для Нее, а себе — «дорадо по-сицилийски с печеным картофелем». Картошку Он любил с детства. Минеральной газированной воды себе и свежавыжатый сок сельдерея — еще та отравка — для Нее.

— Sparkling water — это очень вредно, — она перешла на английский, очевидно, забыв сложное русское слово «газированная». — Очень, очень!

— «Очень вредно» в моем возрасте и с моими жуткими привычкам — понятие абстрактное. Сигареты, растворимый кофе — каждый день. Можешь особо не топить за ЗОЖ...

— Что-что? — переспросила Она. — Что значит «топить»?

— Это значит — агитировать.

— «Топить за ЗОЖ» — странная идиома!

— Да что мы все о мелочах! Столько лет не виделись! Расскажи, как вы там существуете?

— Живем, существуем... Сережа весь в работе. Работа для него — все, одну его статью по газовым лазерам даже напечатали... Как копался, так и копается в своей науке.

Она сделала небольшую паузу, сглотнула с риском подавиться — может, проголодалась? — и судорожно продолжила:

— Колеса прокручиваются, а большого толка нет. Помнишь, как трамвай на углу Лебедева и Карла Маркса застрял на наледи?

Он помнил. Удивительно было то, что и Она помнила. На пересечении этих улиц была клиника, в которой работала Ее мать. Как-то в конце зимы они отправились туда за забытыми ключами от дома. Целая бригада ремонтников, скучно матерясь, пыталась вызволить попавшее в беду транспортное средство. Но ничего — ни мат, ни домкраты — не помогало, только из-под токоприемника летели большие горячие искры, остывавшие на снегу со змеиным шипением.

— Было дело. Там трамвайные пути лет десять как убрали. Что-то мы не о том! Ты-то как? — Ему не очень интересны были успехи, вернее, неуспехи почти мифического Сережи.

Она ничего не ответила. Потянулась к книге, которую Он положил на край стола:

— Что это у тебя?

— Да так... Тоже книжку написал. Правда, про газовые лазеры в ней ни слова, — Он попытался пошутить. — Даже издали приличным тиражом. Ты должна быть в курсе. Говорила же по телефону, что мой бенефис на «Трубе» изучала. Вот, мой подарок тебе. Прочитаешь — поделись впечатлениями. Тут моя жизнь, как на ладони.

Хотел вернуть еще что-нибудь заковыристое, типа «ода тому времени, которое было прекрасно, как и мы (ты и я) были прекрасны в нем, и которое было убито так же, как девяностые убили прекрасное в нас», но вовремя передумал. Сочтет еще за выжившего из ума старого идиота.

— Лучше расскажи о себе. Ведь я ничего о тебе не знаю с тех самых пор, как ты, — Он осекся и тут же исправился, — вы уехали.

— Что говорить? Уехали внезапно. Сережина диаспора постаралась. Ловить здесь ему было нечего, институту финансирование полностью обрезали. Но его как ученого уже знали там, — Она выдержала многозначительную паузу. — Иначе бы, наверное, здесь и сдохли, — нахмурившись, добавила Она. — Все, кто здесь остался из его группы, после девяносто второго ни дня по специальности не работали. Кто спился, кто подался в разнорабочие...

— Да, время трудное было. Но кое-кто выжил. Вот я, например, — не удержался Он и тут же почувствовал неловкость. — А папа с мамой как?

— Отец умер в пятом году, мама — шесть лет назад, тромб оторвался. На ее похороны я первый раз вернулась в Россию. К отцу не смогла выбраться. Мы там как раз свое жилье покупали, домик в пригороде. С деньгами было не очень, ссуду брали. Процент вроде бы низкий, но если пересчитать... Ты знаешь, какие дорогие там «apartments for rent»? Это миф, что на Западе все арендуют жилье. Враки! Все мечтают иметь свои дома, но не все могут это себе позволить.

Она профессионально рассуждала об особенностях формирования ссудного процента в развитых экономических системах. «Странно, — подумал Он. — Она ведь очень любила мать, уважала отца за его умение переломить обстоятельства, за его спокойную мужественную силу. А послушаешь Ее — так получается: ну, умерли, что поделаешь, закон природы... Впрочем, я ведь и сам примирился с уходом деда...»

Но Ему почему-то расхотелось открывать душу перед этой пожилой женщиной, которую, как выяснилось, Он совершенно не знает. Не к месту будут Его истории о том, как Он выживал в начале девяностых, как встретил свою жену, как с нею вместе воспитывали их единственного мальчишку, как набирали обороты и бились за свое место в нулевых, как преодолевали кризисы в десятых годах...

Он уже почти не слушал Ее лекцию. Почему-то вспомнил вдруг, каким вином, какой кислятиной угощали на Ее последнем дне рождения, который Ему удалось посетить.

За столом было многолюдно. Во главе, у окна, сидела Она, раскрасневшаяся и оживленная. Не знакомая по дачным эскападам девчонка, а очень красивая девушка. Веселье только начиналось. Успели провозгласить главный тост — за день рождения хозяйки, и подарить Ей нечто несуразное, купленное вскладчину: могучую и разлапистую хрустальную вазу — признак достатка и зажиточности среднестатистической советской семьи. Она провела нежным пальчиком по искрящимся бокам вазы и, призвав галдящих гостей к порядку, произнесла заговорщицким тоном:

— А еще один подарок я сделала себе сама! Только папе с мамой не говорите...

Все представители противоположного пола кинулись есть землю и клясться на крови в безусловном и вечном молчании. Мужчины могли сделать для Нее все: броситься с высокой крыши на мостовую, упасть ниц перед единственной и неповторимой, посвятить Ей сонет или мадригал, словом, выполнить любую прихоть. Она кокетливо улыбку

лась, взмахнула ресницами, сверкнула бездонными синими глазами и потянула вверх рюши короткого рукавчика блузки, обнажив округлое молочно-белое плечо с татуированным знаком — черной меткой, замысловатым иероглифом, издали похожий на пиктограмму огородного пугала. Нежная кожа по краям штрихов, составлявших картину, немного покраснела и вздулась. Было видно, что татуировка совсем свежая.

До того момента Ему попадались на глаза лишь самые обыденные накладки: скромные синеватые якорьки на огрубелых кистях рук пожилых, потертых жизнью мужиков, да несколько раз на пригородных общих пляжах тюремные «партаки» с профилями Ленина-Сталина, ножами, обвитыми шипящими змеями и не очень понятными буквенными аббревиатурами. Тут же явно работал мастер иного уровня.

— Это японский иероглиф, означающий счастье. Единственное, чего я хочу в жизни — это счастья, — Она повертела длинными тонкими пальцами свободной руки высокую ножку бокала. — За это и предлагаю выпить!

Толпа за столом зашумела. Мужчины, преобладавшие за столом, потянулись к бутылкам сухого вина. Самый нахрапистый из присутствующих, крепкий, молодой, но уже, по принятой моде, аккуратно бородатый, моментально соскочил со стула, метнулся в угол, схватил шестиструнную гитару, без которой в восьмидесятых не обходился ни один приличный дом, и, довольно музыкально ударив по струнам, заголосил высоким фальцетом:

— У ней следы проказы на руках, у ней татуированные знаки, и вечерами джигу в кабаках танцует девушка из Нагасаки...

Но вовремя осекся. Продолжать известную всем песенку куплетом, в котором фигурировала «маленькая грудь», самозванный исполнитель не решился, убоявшись обидеть хозяйку. При всех Ее достоинствах, грудь у Нее действительно была небольшая.

Парни, все как один, бросились чокаться с виновницей торжества, окончательно оттеснив Его, и так притулившегося в самом дальнем углу пиршественного стола. Стол был составлен из подручных предметов мебели, покрытых общей скатертью. Мощный поток поклонников, едва не утащив скатерть за собой, затолкнул Его в узкое пространство между комодом и угловой полкой.

«Действительно, девушка из Нагасаки!» — думал Он в своем убежище, хотя ничего восточно-экзотического в Ее красоте и грации не было. Да и он никоим образом не напоминал безобразника-капитана из далекого романтического Марсея. В Его родной Малой Охте, слепленной из бесконечной вереницы заводов и фабрик вперемешку с наскоро возведенными «хрущевками», романтизма было ни на грош.

Он был настолько влюблен, что не мог даже ревновать предмет своей первой истинной страсти к гостям. Он лишь осознавал свое убожество. Убожество школьника, школяра (какое обидное слово!) перед этими взрослыми, наглыми, уверенными в себе хозяевами жизни.

Задумчиво ковырял вилкой в овощном салате, примостив тарелку на коленях. Плечи сидящих рядом с ним после здравицы сомкнулись, закрыв фермопильский проход к другим закускам, и Он автоматически переместился во второй ряд. Второй ряд — вот, что уготовано ему в будущей жизни!

Сжав до скрипа зубы, Он выскользнул из комнаты, с трудом среди вороха замши и кожи нашел в прихожей свою парусиновую курточку и, ни с кем не прощаясь, покинул квартиру, стараясь не хлопать дверью. Это была излишняя предосторожность: гости уже включили музыку. Из магнитофона рвался голос Тома Джонса, рыдавшего об измене своей Дилайлы. Он неплохо знал английский, и слова песни были ему известны. «Знал, что она не подходит мне, но я был подобен рабу, который никогда не получит свободы...» Как точно подметил подлую женскую суть сладкоголосый Том Джонс!

Резать Ее ножиком за измену, как в финале песни, в Его планы не входило. Девушка из Нагасаки, Дилайла... Не многовато ли жертв? И, кстати, знает ли кто-то из собравшихся у Нее в гостях самодовольных придурков, что текст жестокого романса про девушку из Нагасаки написала Вера Инбер? Та самая поэтесса, которая писала о любви как о войне и о войне как о любви. Он знал; к стихам Его приучила Она в то незабываемое лето.

Он шел к автобусной остановке, отчетливо понимая, что никогда в жизни Ему не удастся не то, что связать их жизни в один узел, а просто хотя бы раз прикоснуться к Ней. Оставалось одно: поскорее забыть, выжечь в памяти даже намеки на эти чувства, которые ничего, кроме ранящей боли, не приносили. И сделать все возможное, чтобы покинуть этот пресловутый «второй ряд», войти в ряд первый и стать там равным, а если повезет, если изменчивая Фортуна Ему улыбнется, то и первым среди равных.

Он с головой ушел в подготовку к поступлению в университет — и поступил! Набрал максимально возможное число баллов, на один выше проходного. Убедил своего горячо любимого старика, что тридцать пять рублей его будущей стипендии внесут весомый вклад в их общий семейный бюджет. Вовремя добавил, что если Он будет стараться и учиться «на отлично», то на повышенное, для передовиков обучения, вспомоществование в сорок два рубля пятьдесят копеек можно будет жить вообще безбедно.

На обязательной для первокурсников сентябрьской «картошке», на исходе первой недели, в помещении совхозного зернохранилища, прямо на шестидесятикилограммовых мешках с семенной рожью Он темным поздним вечером потерял девственность. В приобретении бесценного опыта помогла кураторша группы — младший преподаватель кафедры истории КПСС. Ей приглянулся видный стройный паренек, перетаскивавший днем эти самые мешки, которые и послужили ночью ложем плотских утех. И когда после второй, не менее бурной, чем первая, встречи Он окончательно понял, что это нужно не только мужчинам, но и женщинам, многое в Его голове встало на свои места. Он осознал, что может быть кому-то интересен, желанен и даже любим. Это неожиданное открытие окрылило.

Потом были и другие. Длинноногая вертялая брюнетка из параллельной группы, с которой они соседствовали на общих лекциях; официантка из ближайшего к универу пивного зала; заведующая детсадом, молодая мать-одиночка, подкармливавшая Его ребячьими сырниками... Ни одна из них не вызывала в нем и намек на те чувства, которые Он испытывал к Ней. Другое дело, что за делами каждого дня — семинарами, коллоквиумами, вечеринками, настоящей «мужской» жизнью — то первое чувство медленно отпускало, уходило на второй план, стремилось за горизонт. Время, как здоровый организм, медленно выдавливало из себя занозу, зарубцовывая застарелый гнойник.

На следующий Ее день рождения Он уже не пошел. Или Его не позвали? Он уже и не помнил...

Дважды повторенный вопрос: «Как ты? Где живешь?» — вывел Его из оцепенения.

— Женат счастливо, сын взрослый, работы море. А вот и мой дом...

Он вынул телефон и показал несколько фотографий, на которых было запечатлено их загородное жилище.

— Сын с восемнадцати самостоятелен. Живет отдельно. Навещает нас, конечно... А дом для нас с женой даже слишком просторен. В два кирпича выстроен, — зачем-то добавил Он.

— В два кирпича... Россия... Дорогой, наверное, — задумчиво протянула Она. — А мы живем в доме из гипрока. При желании кулаком с одного удара можно обе стены прошибить.

— Ну, кулаком — это громко сказано, — Он кашлянул. — Может, все-таки чуть-чуть выпьешь? За память нашу, за папу с мамой, за деда моего! Он тебя любил, считал, можно сказать, своей внучкой!

Она задумалась на секунду и согласилась:

— Немного белого вина.

Вино Он выбрал самое легкое. Бокал принесли моментально. Она повертела в пальцах высокую ножку бокала, чуть-чуть смочила губы и принялась за рататуй. Он вяло ковырял специальной вилкой добротного пропеченный бок рыбки. Есть совершенно не хотелось, хотя с утра во рту не было ни крошки: крепкий кофе в лошадиных дозах отбил аппетит. Она без особых церемоний ловко расправилась с баклажанами, снова пододвинула к себе бокал и мелкими глотками выцедила его до дна.

— Вкусно... — по-детски протянула Она. — Да, о чем это я?

Он позволил себе слегка съязвить:

— О доме из гипрока.

Она пропустила Его интонацию мимо ушей и продолжила более веселым тоном:

— Да! Представляешь, как-то между наружной и внутренней стеной нашего дома пробрался скунс. Мерзкая тварь!

Она долго рассказывала, как целая бригада опытных охотников на скунсов по специальному заказу извлекала оттуда этого негодяя. Рассказывала подробно, сколько стоила эта процедура, сколько заплатили бригаде и сколько денег потом пришлось отдать за дегазацию помещения, потому что без этой процедуры вонь стояла невыносимая... Переводила канадские доллары в американские, чтобы Он мог оценить масштаб постигшего их бедствия в привычной для каждого россиянина валюте. И было видно, что эта тема Ее до сих пор волнует, хотя, насколько Он понял, катастрофа с вонючим зверьком произошла далеко не вчера...

Он попытался остановить этот поток болтовни неожиданным предложением:

— Еще вина?

Она кивнула.

Принесли новый бокал. С ним Она расправилась быстрее, чем с первым. Шумно вздохнула, чуть откинулась назад, повела плечами. И моментально вспыхнувшим жаром перескочила на другую тему:

— Да, я уехала. Уехала! Но я не знала, что уход от одной проблемы приводит к другим проблемам — покруче и пострашнее. Один день там равен сотне здесь, но сотня здесь не равна тамошним суткам. Странно это все. Что я там делаю? Ничего не делаю! Фильмы смотрю и sudoku решаю! Клин Ворошиловым выбивают!

— Смешно! Сама придумала?

Но Она оставила вопрос без ответа и продолжила говорить о своем:

— Я тут к кино прирасталась. Времени много... Смотрю и смотрю. Недавно в прокат вышел феноменальный фильм — «Once Upon a Time in Hollywood». Смотрел?

Он покачал головой. Она принялась увлеченно пересказывать фильм, который он не видел. А потом заговорила о том, что Она, в отличие от более сильных представителей их поколения, «как была никем, так никем и осталась»...

Он был поражен бездной экспрессии, скрытой под личиной сухонькой чистенькой старушки. Такой импульсивно-экспрессивной Он запомнил Ее по их последней встрече.

После успешного окончания вуза Он собирался поступать в аспирантуру, как вдруг Его любимому деду, заменившему Ему отца и мать, стало окончательно плохо...

Дед ушел на фронт в начале июля сорок первого, записавшись добровольцем в пятую дивизию народного ополчения. Возраст позволял: набирали мужчин младше пятидесяти. Они, вчерашние преподаватели и инженеры, портовые рабочие и дантисты, машинисты башенных кранов и повара, большинство из которых никогда не держало в руках оружия страшнее стамески, через три недели после поспешного формирования на Лужском оборонительном рубеже приняли на себя всю мощь первого удара 41-го моторизованного корпуса вермахта, вчерашних покорителей Польши и Югославии. За неделю боев под Лугой в землю легли девять из десяти ополченцев. Уцелевшие — дед в их числе — были приписаны к тринадцатой стрелковой дивизии, зимой сорок второго оборонявшей правый берег Невы. Этой лютой и страшной зимой дед основательно обморозил ноги, но довоевал, дошел от Невы до Силезии со своей дивизией, в сорок пятом получившей почетное наименование «Домбровской» за успех в освобождении польского города Домбров-Гурич.

Пока дед был относительно молод, он к своей хронической болячке относился равнодушно и спокойно. Но с возрастом болезнь прогрессировала, и в итоге началась гангрена, полный некроз. В госпитале ветеранов войны ему отняли одну ногу выше колена. Он оправился, даже вернулся домой, но процесс был необратим. Через год понадобилась аналогичная операция на второй ноге. Дед ее стоически перенес, чем сильно удивил врачей.

Он помнил серое лицо деда на белых подушках, когда он через сутки отошел от наркоза. Его губы слабо шептали что-то вроде: «А я, милый мой, займусь физкультурой... Руки укреплять, коляску двигать... Ты мне коляску подберешь?» — и шептал Ему на ухо Его семейное прозвище.

Дед никогда не сдавался. Ни на фронте, ни в лихие годы, когда его выгнали из партии и запретили преподавать «за связь с врагами народа», и он сменил кафедру на рабочую должность — наладчик станочно-

го оборудования на опытном заводе при проектном институте, где на самой рядовой инженерной должности и прозябал Ее отец. (Они, несмотря на солидную разницу в возрасте, свели дружбу, как товарищи по несчастью. Ее отца также репрессировали. Бывший военнопленный, выпускником вуза попавший с обязательных военных сборов на Западной Украине в лапы к жестокому противнику на второй день войны). Ни тогда, когда он, повинувшись обстоятельствам силы непреодолимой, на седьмом десятке усыновил собственного внука, оставшегося сиротой, и весь остаток жизни посвятил Ему.

Гримаса боли кривила рот деда, приходила медсестра и колола пациенту болеутоляющее. Вероятно, очень сильное, потому что губы снова растягивались в полуулыбку, и дед, закрыв веки, как будто покидал больничную палату. Он еще долго держал его сухую слабую руку, пытаюсь не отпустить, задержать деда подле себя, задержать на этом свете. Но не было таких рук, которые могли сотворить чудо.

Через десять дней не стало самого близкого Ему человека...

Прощание было назначено в крематории. Народу собралось довольно много. Пришлось даже заказывать большой зал. Сначала Он ориентировался на малый — пять-шесть дальних родственников и такой-то зал вряд ли могли заполнить, — но, скрупулезно прозвонив от начала до конца потрепанную дедову записную книжку, Он понял, что малым залом не обойтись. Дело в том, что за последний затворнический год, практически совсем обездвижив — на костылях из квартиры дед выходить не решался, — дед взял на себя всю ветеранскую переписку бывших однополчан по Ленинградскому фронту. Человек, привыкший весь свой век трудиться, не мог просто так сидеть и ждать кончины...

Ветеранские советы набирали обороты, это движение поддерживалось на всех уровнях, и те немногие, кто дожил, законно требовали к себе внимания и жаждали встреч и общения. Спустя годы раны войны затянулись, страшные воспоминания были вытеснены из памяти, и в ней осталось только героическое военное прошлое, которое не грех было и освежить, встретившись с уцелевшими воинами на Марсовом поле в День Победы и выпив немного водки.

Целый год дед был хранителем архивов фронтовых друзей и товарищей. И вот они все изъявили желание проводить в последний путь друга, «нашего генерального секретаря», как горько пошутил на гражданской панихиде один из дедовых однополчан, сохранивший к преклонным годам меткость и образность мысли и языка.

Позвонил Он и Ее родителям. Трубку взяла Ее мать, высказала дежурные соболезнования и прийти отказалась, сославшись на нездоровье. Муж, Ее отец, ставший к этому времени большим начальником (времена

все-таки изменились, и его ум и деловые качества были замечены), по словам супруги, находился в командировке в Москве. То, что Она года два назад вышла замуж за «звезду» Политехнического института, ленинского стипендиата, которому прочили будущее академика, и жила своей семьей, Он давно узнал от другого Ее бывшего поклонника, с которым свел случайное знакомство. Удивился тогда лишь тому, что Его эта новость практически не задела.

До начала траурной церемонии, назначенной на полдень, оставалось совсем немного времени. Он раскланялся с большой толпой неизвестных Ему стариков и старушек, одинаково подавленных. Успел пообщаться с троюродной племянницей деда, с которой до этого встречался раза два-три в жизни, и сыном деда от его первого брака, дородным лоснящимся мужчиной в черной морской форме с погонами капитана первого ранга и золотыми шевронами на рукавах. Когда-то этот самый родной сын, дедова плоть и кровь, в ту пору курсант военно-морского училища, чтобы спасти свою карьеру, отказался от отца, памятуя известную максиму Вождя: «Сын за отца не отвечает!» Карьеру он спас, но отца потерял. Дед мог простить все, что угодно, но не предательство. Поэтому и в пятьдесят седьмом, в эпоху массового «реабилитанса», отказался возвращаться в партию. «Раз один раз сочли, что недостойн, значит, недостойн!» — был его ответ, навеки закрывший ему обратный путь в науку. Такой он был человек.

Этот бравадный капитан возникал в их жизни лишь раз в год, в день рождения деда заскочив на пять минут и оставив подарок, который дед, не распаковывая, складывал в маленькую кладовочку, служившую одновременно фотолабораторией. Когда Он разбирал после похорон вещи деда, обнаружил в нескольких аккуратно завернутых и перевязанных бечевкой пакетах отрезки черного сукна и такого же цвета ботинки, взятые из положенного морскому офицеру вещевого довольствия, обновлявшегося с завидной периодичностью...

Наконец, двери в поминальный зал открылись, и ведущий церемонии с хорошо поставленным баритоном ровным, печальным голосом пригласил войти.

Входя в зал одним из первых, где на высоком постаменте уже лежал Его самый любимый человек, Он безотчетно обернулся и увидел Ее. Она спешила, почти бежала. Высокие каблуки, делавшие Ее намного выше, цокали по плитам мраморной крошки, резонируя под потолком. Длинные полы наглухо застегнутого на верхние пуговицы черного лайкового пальто бились по высоким сапогам, мелькали колени, обтянутые чулками того же траурного цвета. Головного убора на Ней не было, густые, слегка выщипанные темно-каштановые волосы разметались от бы-

строй ходьбы, а черную широкополую фетровую шляпу Она держала в руках, одновременно сжимая букет белых хризантем. Вокруг ворота пальто был повязан длинный алый шарф, казавшийся «capote de brega» матадора, который диссонировал с этим залом, с собравшимися в нем участниками тяжелого и сумрачного действия. Гармонировали с алым шарфом лишь красные гвоздики, разложенные заботливыми руками устроителей вокруг скорбного дедова ложа, — других цветов в это время года достать рядовому советскому человеку было практически невозможно.

«Она пришла!» — подумал было Он. Но тут же, склонившись над холодным лбом умершего, забыл о Ней.

В своем прощальном слове, выступая последним, как самый близкий покойному человек, Он только и сумел выдавить сквозь душившие Его слезы: «Я очень любил моего дедушку...»

Когда Ему удалось, наконец, почти невидящими глазами обвести зал, Ее там уже не было. Она оставила кому-то букет хризантем и ушла так же внезапно, как и появилась, не дожидаясь, когда заиграет музыка, и закрытый гроб медленно поползет вниз, в навсегда остановившееся время.

С тех пор они больше не виделись...

Через три года, в самом начале девяностых, Он случайно узнал от общего знакомого, что Она эмигрировала: Её мужу, как многообещающему специалисту в физике высоких энергий, предложили достойный пост в лаборатории соответствующего профиля и положенный по статусу грант...

Тем временем Она все говорила и говорила:

— Жизнь всегда прекрасна, пока ты не перестанешь смотреть за радугой. А радуга бывает, когда солнце и дождь одновременно. А у меня в жизни ничего «одновременно» не происходило. Ты считаешь, что я впала в депрессию? Вовсе нет! Какая депрессия? На мне наш быт и спокойствие Сергея, он один носит в дом пиастры и дублоны. Я — женщина, и всегда могу показать свою слабость. Не я это решила, а те мужчины, которые были рядом со мной. Я — просто жертва естественного отбора, и этим все сказано!

Она закончила свою длинную тираду и в один миг потухла. Глаза потеряли блеск, лицо словно сдулось, как сдувается и скукоживается на морозе воздушный шарик.

— Так, значит, возвращаться не надумали? — по открывшемуся Ему озарению спросил Он максимально сдержанно. Она подумала минутку, потом ответила — как ему показалось, с сожалением:

— Да нет. Сережа только и живет работой. А какая сегодня работа для ученого в России? Сам посудит... К тому же он гражданство получил. Он никуда никогда не поедет. Дом купили... Там купить можно легко и дорого, а вот продать — очень трудно и дешево!

Она помолчала и продолжила:

— Это я русский паспорт сохранила, у меня только вид на жительство там оформлен. Мне иного и не надо, я там избирать никого не хочу, да и избираться тоже. Меня все устраивает.

Это «все устраивает» как будто подвело незримую черту не только их разговору, но и, собственно, всей встрече.

— Тебе с горы виднее! — резюмировал Он и подозвал официантку для расчета.

Пока барышня готовила счет, Он печально протянул:

— Я бы так не смог...

— Что не смог? — переспросила Она.

— Жить в мире, где ничего не происходит...

Она равнодушно пожала плечами:

— Ты же мужчина, тебе положено... Ты здесь чего-то добиваешься, Сергей — там...

Приложил карту к терминалу, оставил пятьсот рублей официантке в красивом вазоне для салфеток...

— Может быть, заплатим пополам? У нас так принято, — предложила Она.

— Знаешь, сам справлюсь! У нас принято иначе! — и Он нарочито медленно убрал банковскую карту, отливавшую золотом, в одно из отделений портмоне.

Поднялись из-за стола. Он галантно помог Ей надеть пальтишко. Вышли на улицу, выслушав в дверях от исполняющей обязанности метрдотеля обязательное казенное напутствие: «Всего доброго! Заходите к нам еще!»

Погода испортилась окончательно. На город уже опустились тяжелые сумерки, грозившие обратиться в непроглядную темень. Начинал подкапывать дождик. Редкие капли оборачивались у земли первыми в этом году снежинками. А за ярко освещенной витриной, спасавшей от превратностей питерской погоды, в меру молодые и в меру красивые люди справляли свой ежедневный праздник.

— Тебе куда? — спросила Она.

Он назвал дальний пригород, где они с женой последние лет десять проживали постоянно, круглогодично вкушая прелести загородного житья-бытья. Удручала лишь дорога, в час пик и по пятницам-воскресеньям весьма утомительная. — А тебе?

— В родительскую квартиру. Помнишь ее? Она так за мной и осталась. С ней, конечно, одни хлопоты. Сдавать не хочу: чужих людей придется пускать, а деньги не те. Да и Сережа неплохо зарабатывает, нам хватает. Через год приеду, буду договариваться о продаже. Вчера с налета ничего хорошего не получилось. Надо выбираться минимум на месяц...

Промолчали.

— Давай подвезу? — предложил Он и повел Ее к машине.

Подошли. Он похлопал по ярко-красному боку автомобиля, сверкающему в отраженных лучах вечерних фонарей лаковым модным цветом.

— Это твоя? — Он заметил в Ее глазах удивление.

— Моя...

— Красивая!

— Знаю. Так садись, поехали!

— Нет, спасибо! Тебе потом совсем в другую сторону, неудобно будет возвращаться. Это мы с тобой раньше от Финляндского вокзала на автобусе сорок минут тряслись, а теперь там метро рядом. Я уж лучше на электричке. Привыкла. Здесь меня никто не возит, а там, — Она махнула рукой куда-то в сторону, чуть не выронив букет. — Такси вызываю, оно у нас дешевое. Дороги хорошие, трафик слабый. Я уже говорила: деревня деревней!

Он почувствовал в последней фразе сожаление.

— Я там от тебя тоже могу на кольцо выскочить, а по кольцу, да еще на ночь глядя, до любого места близко!

— Нет, нет! Не стоит! Не беспокойся!

— Боишься, что на чай попробую напроситься? — Она лишь недоуменно пожала плечами, и Он поспешно добавил. — Ну, давай хоть до метро провожу!

И они медленно свернули за угол на широкий проспект. Метро было неподалеку. Они шли рядом, не держась за руки. Он даже не попытался привлечь Ее к себе за локоток, а тем более придержать за талию. Так медленно и брели, легко избегая столкновений с вечно спешащими встречными прохожими, — высокий немолодой мужчина в щегольских ботинках с книжкой в руке и женщина в годах с букетом красивых желтых роз, цветовым пятном выделявшихся на сереньком фоне Ее пальтишка.

Когда они добрались до подземного перехода, до широких гранитных ступеней, ведущих в преисподнюю подземки, начал накрапывать то ли дождь вперемешку с первым снегом, то ли снег с последним дождем...

Он не нашел ничего лучше, как обратиться к Ней словами хулиганской песенки одной панк-рок группы, хотя вряд ли Она знала не то, что

текст, а про само существование этих уже почти забытых даже на родине музыкальных хулиганов:

— И вот нам пора прощаться, все было довольно мило... Желаю и вам нажраться небесного пива...

— Да, может, еще увидимся, — сказала Она просто и тихо.

В Ее тоне особого сожаления Он тоже не заметил.

— Ах, я тебе свою книжку вручить чуть не забыл! — вспомнил Он о предмете, который бестолково вертел в руках. Она вспыхнула на секунду, вроде бы обрадовалась, но тут же смутилась:

— Спасибо! У меня всегда с собой тара...

И Она вытащила из бокового кармана пальто черный комок полиэтиленовой паутины, который на поверку оказался обыкновенной сеткой-авоськой, совершенно забытым предметом быта российских граждан социалистической эпохи.

— Авоська?! Самая настоящая? Глазам не верю!

Она ловко опустила книжку в авоськино чрево, перекинула ручки через руку и снова прижала к себе букет.

— Рада была тебя увидеть! Ты стал совсем большой мальчик! И сильный...

Не дожидаясь ответа, Она развернулась, дав понять, что разговор окончен. Медленно наступая на каждую ступеньку и чуть сгорбившись, еще больше наклонив голову в беретке, исчезла за поворотом, который вел к входу в метро. Она не заметила, что один цветок выпал из неплотно сжатого кулачка и так и остался лежать на самой нижней ступени. Он думал было подобрать его, побежать за Ней, сказать вдогонку какие-нибудь важные слова... Но развернулся и поспешил обратно к машине.

Погода, как и настроение, портилась с каждым шагом.

«Чего же ты ждал? Чего-то невероятного? Изысканного дефлопе под винным соусом, бараньей головы, фаршированной артишоками, состряпанных заморскими поварами? Напрасно! Только комплексный обед из студенческой столовки времен университетской вольницы: щи из свежей капусты — двадцать копеек, биточки с серыми макаронами — тридцать восемь, компот из сухофруктов — восемь копеек...»

Нет занятия глупее, чем поиски прошлого.

На душе было темно, пусто и грязно, как в столовой заброшенного пионерского лагеря, на месте одного из которых в конце девяностых был возведен их коттеджный поселок...

Вечерний транспортный пик большого города давно миновал, дорога оказалась необычайно легкой. Светофоры как по красному ковру гнали Его по «зеленой волне». Мысли клубились и перемешивались в хаотичном танце, наплывая и толкая друг дружку, произвольно выхватывая сцены из прошлого, обрывки мелодий и разговоров.

Во-первых, гражданство в Канаде дают относительно легко и быстро. Заметный ученый, хороший специалист живет неплохо. Значит ли это, что муж у Нее — незаметный? Во-вторых, интеллигентные дамочки за границей ведут активную культурную жизнь, много путешествуют и стремятся работать сами...

Он с удовлетворением подумал о том, чего добился сам. Четыре раза начинал с нуля, с чистого листа, «забыв привычки, закрыв кавычки». Ушел из первой семьи, спасаясь от неудачного бездетного брака и неверной жены, прихватив с собой только две рубашки. В полярных экспедициях переборол свой детский страх высоты, налетав на самолетах самых разных типов больше тысячи часов, без боязни разбиться и умереть, каждую секунду полета радуясь, что Он у смотрового иллюминатора находится немного ближе к Солнцу. Оставшись без работы и чудом не потеряв квартиру, рассчитываясь с кредиторами, собрал немногих верных друзей, взял в долг денег, пока давали, и закатил пир на весь мир, который они потом вспоминали несколько лет. Когда надо, брал свое, когда приходило другое время — без сожаления отдавал. Расстался с наукой, зачеркнул двадцать лет жизни и нашел себя в новой точке приложения сил. Написал роман, но не расстраивался, что Его детище не получило никакой литературной премии, хотя и вызвало определенный интерес. Понапрасну не тешил себя надеждами стать Джеймсом Бондом. И о том, что в списки миллионеров не попал, и знаменитым не стал, не жалел.

Когда надо было — работал сверх меры. Когда хотел — ездил с женой отдыхать, и не потому, что денег было навалом, а потому что появлялось такое желание. Был уверен, что счастье — это не «когда тебя понимают», а только «здесь и сейчас». Убедился, что у этого самого счастья нет будущего времени, а только прошедшее и настоящее. И жил сообразно этому правилу.

Выруливая на кольцо по хитрой развязке, напоминавшей двойную восьмерку, Он вспомнил, что забыл спросить Ее о том знаменитом иероглифе на плече. Помог ли он обрести Ей в жизни столь жадно искомое счастье или так и остался памятью о причуде юных лет? И существует ли он сегодня? Может быть, давно сведен «на нет», превратившись в малозаметный слабый оттиск? Ведь современные средства пластической хирургии и аппаратные процедуры позволяют сделать это относительно безболезненно. А в конце концов следовало отважиться и спросить напрямую: было ли в Ее жизни это самое счастье? И признаться Ей, что Он сам давным-давно был по уши в Нее влюблен. И это счастье не разбилось, не расплескалось за десятки прошедших лет, и жалеет Он только о том, что в одну из тех лунных и звездных августовских ночей не попытался сгрести Ее в охапку...

На кольце Он слегка прибавил скорость. Стрелка спидометра добралась к отметке «120» — допустимому порогу, позволявшему избежать получения «письма счастья» от ДПС. Включил круиз-контроль, снял слегка затекшую ногу с педали акселератора, нажатием рычага чуть-чуть откинул заднюю спинку сиденья и устроился удобнее, почти полулежа, придерживая руль одной рукой. Нажал кнопку мультимедийной системы, чейнджер — Он предпочитал старые, проверенные временем, навсегда выбранные композиции. Еле слышно зашуршал, выбирая диск... Заиграла одна из Его любимых мелодий: год в год его ровесница, «Маленький цветок» Сидней Беше. Из динамика полились знакомые звуки, саксофон рыдал и смеялся одновременно...

Автомобиль, как ни в чем не бывало, летел по крайней левой полосе широкой дороги. Стрелка спидометра замерла на отметке «120». Мощные фары двумя желтыми прожекторами рвали пространство, и с каждой ушедшей минутой Он отдалялся от своего прошлого...

Подумав об этом, Он вдавил педаль акселератора в пол, максимально ускоряя процесс расставания.

«Маленький цветок» отплакал и увял. На смену пришла иная композиция — одна из последних, добавленных совсем недавно. Прислушался — и стало абсолютно ясно, что негромкий вкрадчивый голос, наложенный на своеобразную, слегка подпрыгивающую мелодию, рассказывает Ему о Нем, о Ней, о Его мыслях и событиях сегодняшнего вечера...

Oh it's so funny to be seeing you after so long, girl
And with the way you look I understand
That you were not impressed
Take off your party dress
I'm not gonna get too sentimental
Like those other sticky valentines...

Теперь, оглядываясь назад, Он осознал со всей остротой, что умение быть счастливым «здесь и сейчас» обрел слишком поздно. И что в те августовские ночи, полные звезд, надежд и мальчишеского комплекса неполноценности надо было ничего не бояться и быть смелее, жадно требуя свою долю счастья. Конечно, Он был бы другим. Жизнь, несомненно, сложилась бы иначе, но и Она была бы другой — не фатально постаревшей, с изношенной в лохмотья души, но именно той давней, звонкой и завораживающей.

Он вдруг почувствовал, что сильно устал. Голос, доносящийся из колонок, неожиданно пробило на неприкрытый злобный сарказм, сочащийся животной ревностью на легком срыве:

Well I see you've got a husband now
Did he leave your pretty fingers
Lying In the wedding cake?
You used to hold him right in your hand,
I bet he took all he could take.

Он не позволил бы Ей стать такой, сделал бы для Нее все возможное и невозможное, но сохранил бы Ее прежнюю в анабиозе своей любви...

Но слишком долгую жизнь пришлось прожить, чтобы понять это до самого конца. Что если хочешь быть счастливым, надо не страшиться жить, умирать и делать глупости. Можно переписать начало или финал истории, переснять эпизод в кино, но жизнь надо принимать такой, какая она есть, а не тешить себя несбыточными химерами, стремясь вернуть время вспять...

Alison, I know this world is killing you
Oh, Alison, my aim is true,
My aim is true,
My aim is true,
My aim is true...

Он совсем забылся и не заметил, как стрелка тахометра предательски поползла в желтый сектор...

Внезапно в свете фар, как черт из коробочки, выскочил указатель, на котором флуоресцентной краской была выведена надпись: «Прибрежное шоссе. Съезд 100 метров». Он резко сбросил газ и со всей силы нажал на педаль тормоза, одновременно выворачивая руль вправо...

За городом ночью слегка подморозило. Наледь, которую Он не замечал, на огромной скорости рассекая автостраду на «прямых» колесах, тут же дала о себе знать. Машину против Его воли повело вбок, неумолимо бросая на мощное ограждение, сваренное из толстого швеллера. Он успел подумать, что прошлое просто-напросто перестало существовать, и бежать от него уже не имело никакого смысла.

Раздался скрежет металла, и страшный удар окончательно стер грань между тщательно оберегаемым воспоминанием и обычным будним днем, который ни за что на свете не хотелось бы сохранить в памяти.

Прошлым стало все.

И, пока окончательно не сдох поврежденный аккумулятор, заклиненный в чейнджере, диск повествовал безлюдным окрестностям: «My aim is true, my aim is true, my aim is true...»